

Неврученная награда: Сталинская премия в области исторических наук за 1952 г.

Статья, написанная на основе комплекса документов Российского государственного архива новейшей истории, посвящена описанию и анализу внутреннего процесса присуждения Сталинской премии за 1952 г. Рассматриваются механизмы принятия решений, идеологическая подоплека отбора книг вероятных лауреатов. Невручение Сталинской премии оценивается как элемент общего процесса постепенной десталинизации.

Ключевые слова: советская историческая наука, Сталинская премия, идеология, десталинизация.

Сталинская премия, учрежденная в 1939 г., до самой смерти Сталина считалась главной наградой Советского Союза в области науки и искусства. Ее получение являлось символом успеха и признания властью. Непосредственная связь с «вождем» ставила эту премию в особое положение, придавала ей своеобразный статус награды от самого Сталина, который лично принимал участие в отборе конкурсных заявок. Механизм присуждения был следующим. Выдвинутые работы рассматривал Комитет по Сталинским премиям, куда входили крупные деятели партии, искусств и науки. Комитет мог выделить секции в соответствии с научной специализацией и жанровыми особенностями¹. Решение Комитета направлялось в Отдел агитации и пропаганды, где высказывались дополнительные соображения. Затем списки с краткими аннотациями рассылались членам Политбюро и Совета министров, которые высказывали свои соображения.

Присуждение премии носило ярко выраженный политический характер. Книги, получившие премию, как правило, образовывали достаточно отчетливую идеологическую линию. Об этом

свидетельствует и К.М. Симонов: «Анализируя книги, которые он [Сталин. – В. Т.] в разные годы поддержал, вижу существовавшую у него концепцию современного звучания произведения, концепцию, в конечном счете связанную с ответом на вопрос: “Нужна ли эта книга нам сейчас? Да или нет?” И всякий раз – и за произведениями, получавшими премии, и за идеями о создании произведений о чем-то или о ком-то, произведений, которые впоследствии были обречены, как правило, на премию, стояли сугубо современные политические задачи»². Приведенная цитата касается художественной литературы, но и к научно-историческим трудам ее можно отнести в полной мере.

Поскольку в присуждении непосредственное участие принимал сам Сталин, то исследования, удостоившиеся этой чести, сразу же приобретали статус идеологического ориентира для других ученых и деятелей культуры. Поэтому к претендентам относились внимательно, проверяя их на соответствие актуальным идеологическим веяниям. Впрочем, случались и скандалы, связанные с обнаружением идеологических ошибок в трудах лауреатов. При выборе лауреатов учитывалась не только идеологическая верность выводов, но и научная состоятельность и фундаментальность трудов. Откровенно пропагандистские и недостаточно научно отработанные издания отбраковывались.

Сталинская премия являлась важнейшим инструментом утверждения идеологических ориентиров. Между тем изучение ее истории, механизмов вручения и места в истории советской культуры и науки только начинается³.

В Российском государственном архиве новейшей истории в фондах Политбюро КПСС отложился комплекс материалов, связанных со Сталинской премией. Они позволяют увидеть внутреннюю кухню работы Комитета по Сталинским премиям и роль различных властных инстанций и конкретных людей. Кроме того, в фонде Отдела науки и культуры ЦК КПСС можно найти документы, освещающие процесс присуждения премии⁴.

Особый интерес представляет наградная кампания 1953 г., когда решалось, кому вручать премии за 1952 г. Ее уникальность заключается в том, что она проходила уже после смерти диктатора. Тем самым он уже не мог выступать в роли итогового арбитра. Более того, почти сразу после его смерти в стране начался процесс неофициальной десталинизации, в том числе и в области исторической науки⁵. Конечно же, это не отразилось на присуждении премии. Стоит заранее указать и на то, что впервые Сталинская премия приобрела заметную международную направленность, стремясь превратиться в главную награду мирового коммунисти-

чешского лагеря. Теперь к конкурсу принимались работы иностранных ученых. Главное, чтобы они были опубликованы в СССР и на русском языке.

После работы секции по историческим наукам было предложено ряд кандидатов в лауреаты. Премию первой степени было предложено вручить известному чешскому историку и политику, члену-корреспонденту АН СССР Зденеку Неedly за книгу «История чешского народа» (М., 1951. Т. I: Чехия в древнейшие времена). Как всегда в таких случаях, акцентировалась политическая актуальность издания. Так, писалось в заключении Комитета, автору удалось показать самостоятельность развития местной культуры и ее независимость от римского влияния. Это было важно в связи с продолжающейся борьбой с идеологией итальянских фашистов, где идея мировой миссии Римской империи играла важную роль. Еще большее значение имело то, что в книге доказывалось, что славяне появились на территории Чехии во II тысячелетии до н. э. «Тем самым опровергаются немецкие националистические теории о позднем приходе славян на эти земли»⁶. Но не только победенных фашистов и нацистов разоблачала книга известного чешского историка: «Книга З.Р. Неedly вносит большой вклад в дело разоблачения фальсификаций англо-американской буржуазной историографии о якобы исконной отсталости и неспособности славянских народов создавать и развивать свою собственную культуру»⁷. Таким образом перекидывался мостик между фашистками и нацистскими теориями и англо-американскими историками.

Положительные отзывы на книгу представили известные советские историки Б.А. Рыбаков и П.Н. Третьяков. Из 37 членов комитета 31 проголосовал за присуждение Сталинской премии I степени.

На премию второй степени Комитет выдвинул книгу «Внешняя политика русского централизованного государства. Вторая половина XV в.» (М., 1952) покойного историка К.В. Базилевича (умер в 1950 г.). Монография объявлялась первым марксистским исследованием внешней политики России второй половины XV в. Одновременно она хорошо вписывалась в советский великодержавный нарратив, обосновывающий с точки зрения исторической необходимости права российской державы на вошедшие в нее территории. К.В. Базилевич обозначил три основных вектора внешнеполитической программы Русского централизованного государства: борьба с татарскими ханствами, борьба с Литвой и Польшей за «воссоединение всех земель Руси (русских, украинских и белорусских)» и борьба за приобретение выходов к Балтийскому морю. Иван III был представлен как борец с остатками феодальной

раздробленности, подготовивший условия для активной внешней политики следующего столетия.

Положительные отзывы были предоставлены лауреатами Сталинской премии прошлых лет И.И. Смирновым и Л.А. Никифоровым. Голосование в Комитете также было положительным: за вторую степень проголосовал 31 член комитета из 37⁸.

Кроме того, на премию второй степени была выдвинута книга китайского историка Лю Да-Няня «История американской агрессии в Китае» (русское издание вышло в 1951 г.). В сравнении с предыдущими претендентами на премию книга была небольшой по объему – 154 страниц. Внимание к этому изданию диктовалось сразу двумя факторами. Во-первых, особыми отношениями с КНР как главным союзником в борьбе с капиталистическими странами. Во-вторых, что вытекало из первого, тема разоблачения империалистической американской политики была сверхактуальной. В резолюции комитета приветствовалось то, что автор «последовательно... разоблачает хищническую политику правящих кругов США в отношении Китая...»⁹. Несмотря на идеологическую важность издания, за него свои голоса отдало несколько меньше членов Комитета, чем за предыдущие, – всего 28 из 37. Видимо, сомнения вызвали небольшой объем книги и ее публицистичность.

Наконец, на премию третьей степени была выдвинута книга главы коммунистической партии Таджикистана Б.Г. Гафурова «История таджикского народа в кратком изложении» (Т. I. М., 1952). По статусу автора и политическому значению книга вполне могла претендовать и на первую премию. Но его стремление выпячивать иранское происхождение таджиков и противопоставлять тем самым их среднеазиатским тюркским народам из других советских среднеазиатских республик, о чем неоднократно докладывалось в ЦК¹⁰, не позволяло дать первую премию, объявив тем самым книгу эталоном. Книга представлялось как фундаментальный обобщающий труд, построенный на марксистско-ленинской методологии. Подчеркивалось, что в издании много внимания уделяется героической борьбе народов Средней Азии с захватчиками и местными угнетателями. В то же время автор вскрывает «глубокие исторические корни дружественных связей народов Средней Азии с великим русским народом и выясняет прогрессивную роль присоединения Средней Азии к России...»¹¹. Это являлось вкладом Б.Г. Гафурова в наполнение конкретными историческими фактами идеологемы «дружбы народов», утвердившейся в СССР в послевоенное время¹².

Но, пожалуй, самым важным было то, что Гафуров обосновывал самобытность таджикской культуры, доказывая, что таджики – не часть иранцев, а самостоятельный этнос. Тем самым отвергались

претензии сторонников «паниранизма» (реальные и мнимые) на включение таджиков в паниранский проект¹³. За присуждение премии проголосовало 34 члена комитета.

Также на премию третьей степени претендовала книга еще одного китайского историка – Ху Шэна – «Агрессия империалистических держав в Китае» (М., 1951). Подчеркивалось, что в монографии американский империализм представлен как самый «опасный враг китайского народа». В книге акцентировалось значение Октябрьской революции, «показавшей китайскому народу путь борьбы с империалистами и давшей ему веру в возможность победы»¹⁴. За присуждение премии свои голоса отдало 30 членов Комитета.

Итак, номинанты были названы. Но у контролирующих органов некоторые из них вызвали сомнения. Особое внимание уделялось иностранным претендентам, поскольку присуждение им Сталинской премии являлось международным делом. Несмотря на большой авторитет в СССР Неедлы, в его книге Отделом науки и культуры ЦК КПСС были обнаружены «серьезные» ошибки: «Книга Неедлы имеет некоторые существенные недостатки. В книге не показан четко процесс складывания классового общества у чешских племен, в некоторых местах книги говорится о приходе в Чехию “слоя господ” извне, об образовании особого “слоя воинов” и т. д. Автор преувеличивает влияние античной римской культуры на экономическое и культурное развитие славянских племен, слабо показывает роль западных славян в ликвидации рабовладельческой Римской империи. В книге недостаточно использованы труды классиков марксизма-ленинизма»¹⁵. Сразу бросается в глаза отсутствие конкретики в критике. Более того, если раньше утверждалось, что Неедлы сумел показать независимость славянской культуры от римской, то теперь утверждалось прямо противоположное. Очевидно, что книгу стремились не награждать любой ценой. Возможно, негативным фоном в вопросе о присуждении премии стал прошедший в Чехословакии в 1952 г. «процесс Рудольфа Сланского», в ходе которого ряд видных коммунистов страны обвинили в связи с лидером Югославии И. Тито и создании «троцкистско-сионистско-титовского заговора». Неедлы по процессу не проходил, но был хорошо знаком со Сланским. Кроме того, Неедлы могли припомнить его положительные отзывы о первом президенте Чехословацкой республики Т. Масарике¹⁶.

В связи с обнаруженными ошибками комитет предложил вручить Неедлы премию второй степени, но Отдел науки и культуры посчитал целесообразным вообще отложить вопрос о присуждении. Также предлагалось отложить награждение двух китайских

историков. На записке стоит подпись главы Отдела А.М. Румянцева, документ датирован 13 июлем 1953 г. Еще одним аргументом, который был озвучен Г.М. Маленкову и Н.С. Хрущеву, стало указание на то, что в КНР и Чехословакии есть свои премии¹⁷.

Одновременно шли переговоры с китайскими представителями, поскольку вопрос о вручении/невручении становился болезненным с точки зрения внешней политики. М.А. Сулову было доложено, что китайское посольство, по поручению Отдела пропаганды КПК и МИДа КНР информирует о согласии на присуждение премии Ху Шэну, но предлагает отсрочить вопрос с книгой Лю Да-Няня до следующего года, поскольку в ней обнаружены ошибки и искажение фактов¹⁸.

В итоге Отдел науки и культуры предложил компромиссный вариант, по которому китайским авторам награда не присуждалась «до более широкого ознакомления с работой советской общественности», а Неедлы получал премию второй степени¹⁹.

Но премию так никто и не получил, несмотря на то, что 30 июня 1953 г. на заседании Президиума Совета министров СССР было решено провести присуждение Сталинских премий за 1952 г. Но решение по каким-то причинам не было реализовано. К тому времени уже был подготовлен проект по внедрению нового формата премии. В нем предлагалось ужесточить требования к кандидатам, исключить конфликт интересов при выборе лауреатов, снизить суммы вознаграждений и сократить само количество премий. Решение должен выносить единый комитет (ранее их было два – по науке и изобретательству, а также по искусству). Присуждать премию предлагалось не ежегодно, а раз в три года, тем самым предполагалось награждать научные и художественные труды только после широкого и всестороннего обсуждения²⁰. Возможно, это предложение стало поводом отсрочить очередное награждение на более позднее время. Идею поддержали Н.С. Хрущев, М.А. Сулов и П.Н. Поспелов, изложившие в записке Г.М. Маленкову все эти предложения.

В 1955 г. Президиум ЦК поручил рассмотреть вопрос об учреждении премии имени Владимира Ильича Ленина (Ленинской премии). В этом же году статья о Сталинской премии исчезла из Большой советской энциклопедии²¹. А после XX съезда, на котором произошло развенчание культа личности, судьба Сталинских премий была окончательно решена. Награжденные ею обязаны были обменять знаки и дипломы лауреатов Сталинской премии на аналогичные знаки и дипломы Государственной премии²².

Невручение Сталинской премии за 1952 г. вполне вписывалось в общий процесс десталинизации, начавшийся сразу после смерти

диктатора. Описанный эпизод стал своеобразным символическим завершением сталинской эпохи в советской исторической науке, когда вождь, в том числе и при помощи премий его же имени, определял основные направления исторической политики. Это не значит, что так называемый сталинский исторический нарратив исчез. Наоборот, многие концепции лауреатов Сталинской премии прочно вошли в советскую историческую науку и массовые исторические представления.

Примечания

- ¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 53а. Ед. хр. 1. Л. 7.
- ² *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М.: Книга, 1990. С. 179–180.
- ³ Сталинские премии: две стороны одной медали: Сборник документов и художественно-публицистических материалов. Новосибирск, 2007; *Двоскина Е.* Восьмая симфония Шостаковича и Сталинская премия // Музыкальная академия. 2008. № 2. С. 88–94; *Тихонов В.В.* Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 2. С. 177–185; *Он же.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука. М.: СПб.: Нестор-история, 2016. Гл. 11; *Фельдман Д.М., Бит-Юнан Ю.Г.* Сталинские премии Василия Гроссмана: история с библиографией // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 186–223; и др.
- ⁴ Отдел науки ЦК КПСС. 1953–1966: Справочник: (Аннотированные описи). М.: РОССПЭН, 2006. С. 15.
- ⁵ На это указывает ряд исследований: *Рыжковский В.В.* В поисках англо-саксонского феодализма: А.Я. Гуревич и московские медиевисты от позднего сталинизма до ранней «оттепели» // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М.: Архив РАН, 2013. С. 435–440; *Юрганов А.Л.* Первый шаг в десталинизации исторической науки // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб. ст. Т. 1. М.: РГГУ, 2013. С. 295–306; *Тихонов В.В.* Первые после Сталина: историки и выборы в Академию наук СССР в 1953 г. // Вестник Пермского ун-та. Серия «История». 2016. № 2. С. 108–113.
- ⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 404. Л. 52.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Л. 53.
- ⁹ Там же. Л. 55.
- ¹⁰ Докладная записка Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) М.А. Сулову о спорных вопросах в освещении истории народов Средней Азии // Советская национальная политика: идеология и практики: 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2013. С. 199.

- ¹¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 404. Л. 56.
- ¹² См.: *Tillett L.* The Great Friendship: Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel-Hill, 1969; *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: ДНК, 2009. Гл. 2–3; и др.
- ¹³ О борьбе с паниранизмом при помощи исторической науки см.: *Yilmaz H.* National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. L.; N.Y.: Routledge, 2015. Ch. 5.
- ¹⁴ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Ед. хр. 404. Л. 57.
- ¹⁵ Там же. Л. 85.
- ¹⁶ Советский фактор в Восточной Европе: 1944–1953 гг.: Документы. В 2 т. Т. 2: 1949–1953 гг. / Отв. ред. Т.В. Волокитина. М.: РОССПЭН, 2002. С. 167.
- ¹⁷ Там же. Л. 101.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 406. Л. 5–6.
- ¹⁹ Там же. Ед. хр. 404. Л. 8.
- ²⁰ Как отменяли Сталинские премии: Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР, 1953–1967 гг. / Публ. В.И. Ивкина // Исторический архив. 2013. № 6. С. 8–9.
- ²¹ Там же. С. 5.
- ²² Там же. С. 26–29.